

Интервью с Лилией Владимировной ЗЕМНУХОВОЙ

«КАКАЯ-ТО ЧАСТЬ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ТОЧНО БУДЕТ ГОТОВА РАССКАЗЫВАТЬ О ПРОШЛОМ»

Земнухова Л. В. – окончила факультет социологии СПб Университета (2009 г.), магистратуру по фундаментальной социологии в Московской высшей школе социальных и экономических наук (MA, University of Manchester, 2011), кандидат социологических наук (2013 г.), старший научный сотрудник Социологического института РАН, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий (STS) Европейского университета в Санкт-Петербурге

Основные области научного интереса: социология техники, исследования науки и технологий (Science and Technology Studies), взаимодействие человека и компьютера

Интервью состоялось: март – июль 2017 г.

Время проведения интервью с Лилией Земнуховой протекло быстро, наполнено, в моем понимании, - продуктивно. В разрабатываемой мною профессионально-возрастной стратификации современного российского социологического сообщества Лилия представляет старшие слои самого молодого, седьмого поколения. К нему я отношу тех, кто родился в интервале 1983-1994 гг., значит – старшим сейчас 34 года, младшим – 23. Я довольно поздно, лишь спустя десять лет после начала своего проекта, решился на беседы с социологами этой групп. Раньше они казались мне «слишком молодыми» для обсуждения и траекторий их жизней (все лишь начиналось) и – тем более – для изучения истории отечественной социологии. Но я рад, что в сентябре 2014 года все же решился на интервью с представителями этой когорты. До Лилии дюжина социологов этого сообщества рассказала о себе.

Начиная опрос с нашими коллегами седьмого поколения, я смутно представлял цели этих разговоров, скорее, просто хотелось спуститься, если идти от вершины, еще на одну ступень поколенческой лестницы. Теперь эти цели стали много яснее, и приходит понимание того, что принятое решение было верным.

Во-первых, возникла еще одна возможность для изучения многообразия путей вхождения исследователей, поколений в целом в социологию. Одно можно с уверенностью сказать, межпоколенные различия моделей прихода в науку – разительны.

Во-вторых, только так, обращаясь к представителям новых поколений ученых, а исходно моими собеседниками были только социологи первых трех когорт, можно обнаружить преемственность в науке. Так, Лилия Земнухова в качестве своих проводников на пути к профессионализации и защите кандидатской диссертации называет Г. В. Еремичеву и А. В. Родионову. Но ведь Галина Еремичева – прошла большую школу в командах О. И. Шкаратана и И. И. Травина. А Алла Родионова работала с А. Н. Алексеевым.

Одновременно и в научных интересах, и в дискурсе рассказа Лилии прочитывается ее обучение по магистерской программе «Шанинки». Там ее преподавателями, наставниками были А. Ф. Филиппов и В. С. Вахштайн – в значительной мере определяющие современное лицо российской социологии. В то же время, Д. М. Рогозин, рассказывавший студентам о полевых исследованиях, стал в их глазах посланником «батыгинской школы».

В-третьих, рассказываемое социологами седьмого поколения, безусловно, относится к современности, и в этом плане оно как бы не относится к истории. Однако время летит быстро, и очень скоро «сейчас» и «сегодня» станет «недавно» и «давно».

Конечно, разговоры с молодыми имеют ограниченную историчность. Но они настраивают нас на размышление о будущем нашей науки. Несколько лет назад я задумался о том, что, возможно, в 2058 году, наверное, в Москве состоится Всероссийский социологический конгресс, приуроченный к 100-летию современной российской социологии. Очевидно, что в его работе не будут участвовать социологи первых четырех поколений, ибо самому младшему из них именно в том году исполнится сто лет. Возможным, но проблематичным представляется участие в этом форуме и «посланцев» пятой профессиональной когорты; ибо никто из них не будет моложе 88 лет. А вот шестое поколение социологов на том юбилее отечественной социологии будет заметным – ведь возраст половины из них будет составлять от 76 лет до 81 года. Но еще более активными будут социологи седьмой страты. Это уникальное в историко-культурологическом плане образование, старшие его представители – последние, кто застал, кто мог общаться с социологами всех первых поколений... потому они еще долго будут носителями нашей корпоративной истории. И на том пока далеком конгрессе к ним будут обращаться с просьбами рассказать, как и что было «по правде».

Земнухова Л. В.: «Какая-то часть нашего поколения точно будет готова рассказывать о прошлом»

Лилия, в web-сети я немного прочел о Вашем образовании и о Вашем вхождении в социологию. В основном все это прошло в Петербурге. Вы и родились в Петербурге или позже оказались в нем? Пожалуйста, расскажите о своих детских годах, о родителях? Насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Родилась я в Алма-Ате, теперь Алматы – в бывшей столице Казахстана, закончила там школу, и только потом мы переехали в Петербург. Я очень люблю эту историю – про мои чудесные школы, про поступление и Петербург. Но по порядку.

Детство я провела частично в Алмате, частично в Подмосковье, где жили родители мамы (Рузалии). Папа (Владимир) ездил в Москву на заработки, потому что в Казахстане тогда почти не было работы. Пару лет мы все вместе – с родителями и младшим братом – провели у бабушки с дедушкой в Подмосковье, в поселке: говорили по-татарски (мама родилась в Казани, и ее родственники в основном оттуда, казанские татары), лазили по заборам и деревьям, пасли козу, кормили утят, собирали горох. Здорово веселились. Кстати, я туда ездила несколько лет назад: деревья ведь правда были большими и лужи казались озерами! Правда, мое любопытство не ограничивалось ручным познанием мира, и алфавиту меня – к моему большому счастью – мама научила очень рано, года в два-три. Дальше действительно открылся дивный новый мир: в ход шло всё, что содержало буквы. После возвращения в Алмату, еще до школы, состоялось знакомство с английским языком – на нашей улице возникла такая инициатива для детишек.

В Алмате мы часто ездили к папиной маме. Дедушка, из донского казачества, погиб на фронте, когда папе было всего несколько месяцев. Историю этой линии семьи я толком не знаю, она покрыта тайнами об оставленных и найденных младенцах, партизанских отрядах и соседской заботе о детях. Иногда мы навещали прабабушку по маминой линии. Рассказывали, что в нашем татарском роду были и казанские купцы, и даже графини. Но они потом пострадали в советское время. На меня, ребенка, всегда производил впечатление дедушка – спокойный, основательный, заботливый, с невероятно добрыми глазами и улыбкой. Я подозревала в нем волшебника и только потом узнала, сколько лагерей истроек он прошел. Он ушел раньше, чем я могла его спросить или поговорить с ним по душам. Он обожал маму, а папа им безмерно восхищался.

О родителях. У папы было средне-специальное образование повара и заочное экономическое по банковскому делу, хотя в банке он так и не работал, насколько я знаю. Мама училась на фармацевта в Новосибирске, потом довольно долго проработала там, сделав неплохую административную карьеру. Потом она вернулась в Алмату, родители поженились, и в конце 80-х родились мы с братом. А в 90-х были попытки родителей открыть разные предприятия, но удалось это в итоге маме в аптечном бизнесе. Даже еще когда дела не шли в гору, мама сделала ставку на наше образование.

Сначала меня чудом (и стараниями мамы) взяли в гимназию №60 в 6-летнем возрасте. Там я неплохо училась, пыталась заниматься танцами, ходила в музыкальную школу (правда, не закончила), посещала кружок на Станции юных натуралистов. В общем, годы в этой школе были и занимательными, и разнообразными. В 8 классе

по специализации я пошла в класс с углубленным изучением английского языка. А потом с моей подругой Василисой мы решили поступать в Гимназию №134 – и это был серьезный вызов. Вступительные экзамены были нешуточные, мы готовились всё лето. Сдавали английский, историю Казахстана и русский. Конкурс был большой, но мы справились и поступили в группу МО-2 – второй набор по направлению «Международные отношения». Школа была уникальная, обучение велось только с 9 класса, классы были специализированы – экономисты, математики, химики и мы. В нашей специализации был упор на английский язык и всемирную историю. Именно история давалась мне тяжелее всего: я не понимала, как всё запоминать и как выстраивать связи в множестве событий. Нам очень повезло с учителями – со всеми. Нам было сложно, они это понимали, они сами были крайне увлеченными своей работой. Мы не могли не полюбить то, что мы делаем. Сейчас мне кажется, что особенная прелесть была в том, что нам никто не навязывал свою точку зрения. Нам никто не говорил, что знает, как всё устроено на самом деле. Нам казалось само собой разумеющимся постоянно ставить всё под вопрос. Про 134-ю я действительно люблю вспоминать: какие мы там были свободные, как нам всё можно было, но одной ценой – учиться.

Летом после 10 класса мы поехали в Москву и Петербург, чтобы выбрать, где мне и брату учиться. Ему надо было определиться с колледжем, мне с университетом. Мама бы переехала раньше, но я очень хотела стать выпускницей 134-й. Почему-то мы не рассматривали других вариантов, кроме МГУ и СПбГУ. Наверное, из Алматы казалось, что это самые хорошие варианты. Более того, я понятия не имела, чем хочу заниматься и на кого учиться. Скромно считая, что мне хорошо даются почти все дисциплины (особенно точные науки), я отметала известные мне варианты. Хотелось взять то, о чем я меньше всего знала или меньше всего понимала. Когда Москва мне окончательно не понравилась, а в длинный коридор здания 12 коллегий я влюбилась с первого взгляда, выбор был сделан. Осталось понять, какой из 18 факультетов СПбГУ станет тем самым. Выбирала я по принципу «вообще не понимаю, о чем это». По умолчанию всегда оставался вариант продолжать МО, но знающие люди объяснили, что там нечего делать, если нет родственников в правильных местах. Я решила поговорить со своими школьными учителями про социологию. Любимая учительница по истории Рано Расуловна Ташматова сказала: «Лиля, мне кажется, это для тебя». Дословно я не помню, но аргумент был в том, что с образованием социолога я уж точно смогу найти себя в профессиональном плане – от спичрайтера и имиджмейкера до исследователя и социального ученого. Я также не помню, что впечатлило меня больше всего – забавные слова или размах возможностей – но выбор был сделан. Мне нужно было сдавать английский, русский и историю России, и если про первые два я не особенно переживала, то история России меня пугала. В Казахстане мы таким не занимались.

За год пришлось узнать всё – за это я до сих пор невероятно признательна Елизавете Потаповой. В итоге я поступила на общих основаниях на бюджет, и началась веселая пора с переездом в Петербург и привыканием к мысли о том, что быть мне теперь социологом.

Ваш брат тоже «приземлился» в Петербурге? И семья последовала за Вами? Как шло Ваше привыкание к Петербургу, его культуре, характеру общения?

Брат поступил в колледж, учился на программиста. Мы переехали втроем с мамой, к тому времени родители уже давно были в разводе. Петербург был прекрасный и вдохновляющий, но его ценность я стала осознавать далеко не сразу. Ступени привыкания проходили примерно в таком порядке. Сначала после понятной сезонности Алматы было непривычно жить в новом климате (безусловно, ведь только ленивый не говорит о погоде). Сегодня солнце в Петербурге — уже полноценный повод выйти из дома! Также было странно, что вокруг нет гор, и я как будто до сих пор ожидаю их увидеть. Но нет, город всё ещё too flat. Десять лет назад люди меня искренне удивляли: все держат дистанцию, улыбки только для очень близких, говорить лучше тише, да и рассматривать никого не стоит. То ли за эти годы всё поменялось, то ли я привыкла, но сейчас мне всё кажется органичным и понятным. Только объясняются эти проявления через вежливость, культуру, уважение личного пространства.

Надо сказать, что я очень быстро примкнула к лагерю «петербуржцев» — именно так, в кавычках. Я очень хорошо разбираюсь в центральных районах города, активно воспроизвожу городской фольклор, с удовольствием вожу гостей по интересным местам, да и в целом слежу за культурной и не очень жизнью города. Такой пропиткой я обязана, в том числе, моим однокурсникам и друзьям. На факультете, как мне кажется, была примерно половина местных, и некоторые из них с удовольствием делились историями о городе и периодически устраивали культурную программу. Особенно восхищала (и до сих пор восхищает) моя близкая подруга Мария Смирнова — она просвещала меня в Русском музее, знакомила с оперой в Мариинке, водила на улицу Репина, открывала чудеса Павловского парка, читала наизусть Бродского, присылала рассказы Довлатова... И она продолжает делиться своей любовью к городу, мой хороший учитель. Сейчас уже и я продолжаю утверждать, что Петербург — лучший город Земли.

А по отношению к горожанам у меня проснулась особенная забота, когда я вернулась из Москвы. Петербуржцы роднее. Последние трагические события, кажется, только и смогли пережить благодаря невероятной солидаризации и мобилизации горожан.

Итак, Вы поступили на социологический факультет... некое чудо свершилось, стали осваивать Петербург — чудо из чудес; все сложилось успешно. Как Вы начали входить в социологию? В чем были первые трудности? Что приносило радость?

Факультет социологии всегда был полон сюрпризов. На первом курсе, в 2004—2005, было трудно сказать, что удивляло больше, — близость к Смольному собору, сборная солянка из общеобразовательных курсов, очень разные однокурсники или витающий в воздухе вопрос «и чем я потом буду заниматься?». Мы действительно довольно долго не очень понимали, чем же всё-таки занимается социология. Из всего того, что мы слушали на первых двух курсах, запоминать приходилось фамилии, ключевые слова, базовые концепции. Мы, к сожалению, читали очень мало первоисточников. Чаще занимались пересказыванием пересказов. Это точно не приносило радости. А наши первые программы исследований были мало похожи на реальные проекты. Очень мало, поэтому никакие из них не воплощались.

Первое практическое знакомство с исследованиями у меня состоялось на третьем курсе во время практики в НИИКСИ, в 2007 году. Руководителем практики была Тамара Григорьевна Пospelова, и благодаря ей у меня даже вышла первая публикация (на самом деле, тезисы в сборнике конференций, но это был первый шаг). Я выпол-

няла какие-то задачи в рамках вполне себе реального исследовательского проекта и наконец начала понимать, почему социология может быть интересной. На четвертом курсе, в 2008, я по ряду обстоятельств оказалась в Социологическом институте РАН, где со мной работала Алла Викторовна Родионова. Там я тоже выполняла задания по вводу и анализу данных, потом участвовала на семинаре, конференции, и даже тезисы были опубликованы. Параллельно я писала курсовые и диплом на кафедре теории и истории социологии с научным руководителем – Петром Ивановичем Смирновым. Уже на четвертом курсе я пыталась провести собственное исследование про формирование социальной идентичности, и это оказался занятный опыт. Наверное, я многого уже не помню, но могу отметить, что в моей социологической социализации заметные следы оставили Екатерина Александровна Орех (мы читали тексты и обсуждали их!), Майя Михайловна Русакова (социальное проектирование стало понятным и полезным), Виталий Евгеньевич Григорьев (прекрасно показывал, как работает социологическое воображение), Елена Александровна Островская (например, заслуженная критика моей курсовой на меня произвела большое впечатление).

Я сейчас уже не могу сказать, когда получилось сделать первый, похожий на правду, исследовательский проект. Более того, учебный процесс в университете стал разбавляться общественной деятельностью, дополнительным образованием, внешними проектами. А в конце четвертого курса, в том же 2008, мы основали Студенческий совет факультета: реализовали идею Натальи Машьяновой и Ксении Буксеевой по студенческому самоуправлению. Мы создавали традиции на факультете, пытались разобраться с тем, что нам ценно в статусе «социологов». Я, например, думала, что меня больше привлекает «работа с людьми» (что бы это ни значило) и занималась тренингами: в Школе тренеров мы целый семестр с ребятами отработывали разные техники, которые оказывались полезными в публичных выступлениях, в организации событий, в ведении проектов, в координации групповых активностей и так далее. Вот это было действительно интересно: мы набирали softskills, которым нас никто не учил. Учеба в итоге складывалась довольно неплохо, и мы (студсовет) сами стали придавать смысл своему пребыванию на факультете вплоть до выпускного. А дальше, в 2009, я поступила в аспирантуру в Социологический институт, где появилось больше возможностей заниматься исследовательской деятельностью.

Какие проблемы теории или истории социологии Вы разрабатывали в Вашем дипломном исследовании?

Тема моей дипломной работы звучала так: «Феномен идентичности как фактор существования индивида и группы». Когда я только начинала писать курсовые на втором и третьем курсе, мне были интересны социология личности, теория социального взаимодействия, коммуникативная составляющая социализации. Я даже немного думала о том, чтобы писать о национализме и этничности (после Казахстана), но не сложилось. Мне не очень хотелось ограничивать себя конкретным тематическим направлением (в конечном счете, я не была уверена, чем именно хотела тогда заниматься). И вот на курсе по западной социологии мы активно знакомимся с Дж. Г. Мидом, Г. Блумером, И. Гофманом, Г. Гарфинкелем и другими авторами, вошедшими в сборник Абельса «Интеракция. Идентичность. Презентация». Наверное, тогда и сложилась картинка и интересы сошлись на том, чтобы развивать проблематику идентичности. На четвертом курсе, в 2008 году, я провела свое первое самостоятельное исследование: взяла тест М. Куна – тест двадцати высказываний

на вопрос «Кто я?». Была задача понять, как работает «идентичность». Если память не изменяет, я проанализировала 1280 ответов, и результаты меня впечатлили. Один из основных выводов был в том, что наибольшее значение в формировании идентичности имеют социальные статусы, повседневные роли и референтные группы. Благодаря этому эмпирическому опыту, дипломная работа приобретала новый смысл: я хотела понять механику идентичности. Почему-то я довольно поздно узнала о проблематичности этого понятия, о сложностях его использования и трудностях концептуализации. К тому времени было уже много написано в качестве обзоров и анализа литературы, да и эмпирика моя оставалась (я почему-то решила ее не продолжать). На защиту диплома я выходила с двумя основными тезисами: первый – идентичность работает только в совокупности «притяжения» к «своим» и «отталкивания» от «чужих»; второй – социальная идентичность постоянно конструируется из набора разных, «частных» идентичностей (этническая, религиозная и т. д.). Сейчас это всё выглядит наивно и забавно, но тогда я была действительно довольна своей дипломной.

Лилия, из интервью с нашими коллегами разных социологических поколений я представляю, какую художественную литературу, какую публицистику читало студенчество во все послевоенные годы. Ваше поколение я лишь недавно начал изучать, к тому же я уже без малого четверть века живу в Америке и потому не мог наблюдать Вашу студенческую когорту, не общался с ней. Что Вы читали? Я имею в виду и классику, и современную литературу?

Я, вероятно, не самый репрезентативный пример нашего поколения, потому что с культурой чтения у меня довольно сложные отношения. Во время студенчества, т.е. с 2004 по 2009 годы, я читала примерно все, что попадалось под руку – начиная от «Крестного отца», «Кармен» и «100 лет одиночества» до Маргарет Митчелл, Салмана Рушди и Сесилии Ахерн. Больше всего я помню Ремарка, потому что у представленной ранее Марии было собрание сочинений. Она же рекомендовала Довлатова, Бродского. Запомнились еще произведения Жорж Санд – ее книги приносил однокурсник и друг. Мы перечитывали Толстого, Булгакова, Чехова, и часто по той причине, что ходили на спектакли по их произведениям. В связи с Петербургом перечитывала Достоевского, кажется, два раза. Очень впечатляли книги Гессе, Стендаля, Сент-Экзюпери – о них мы часами говорили с уже упомянутой Натальей. Еще старалась читать то, что «хорошо бы прочесть» – Курта Воннегута, Харпер Ли, Кена Кизи, Рэя Брэдбери, Уильяма Голдинга, Джерома Сэлинджера, Эрнеста Хемингуэя. Вот сейчас перечисляю и начинаю сомневаться, что успела всё это за 5 лет: скорее всего, какие-то вещи были в старшей школе, а какие-то уже в аспирантуре. Из таких запоминающихся авторов, о которых говорили однокурсники, вспоминается Акунин – я до его книг не добралась. Более или менее осознанно я стала относиться к чтению уже после университета, где-то во время учебы в магистратуре.

Интересно, Лилия, примерно в одном возрасте мы читали одно и то же, правда, я лет на 40 раньше Вас. Может через несколько десятков лет или раньше Вас снова потянет к истории социологии... забавно, если получится...

Итак, в 2009 году Вы стали аспиранткой Социологического института РАН, какую тему Вы избрали и кто стал Вашим руководителем?

Поскольку к тому времени я уже проходила практику в Институте, у меня сформировался интерес к текущим проектам и деятельности подразделений. Алла Викторовна познакомила меня с Галиной Васильевной Еремичевой, и так я узнала о секторе исследования социальной структуры. На тот момент в секторе только закончился проект EUREQUAL “Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective”, и оставалось много данных, которые требовалось обрабатывать. Проект был большой, международный, включал количественные данные и качественные материалы, вызовов для меня было достаточно. Но с другой стороны, после диплома я еще думала продолжать заниматься вопросами идентичности уже немного в другой перспективе. Коллеги в секторе рекомендовали обратить внимание на профессиональные группы, поскольку уже был внушительный задел по этому исследовательскому направлению. Оставалось выбрать группу, с которой предстояло работать. По этому поводу мы много говорили с Галиной Васильевной и другими коллегами, в итоге я остановилась на специалистах в области информационных технологий – в то время она была мне ближе, понятнее, точно вызывала исследовательский интерес и много вопросов. Я искала литературу и понимала, что по этой теме было очень мало написано, особенно в русскоязычной среде. Предстояла большая работа.

И как Вы ее начали, что удалось сделать?

Честно говоря, этот путь был довольно обрывочный, не очень последовательный. Я искала материалы об информационных технологиях (ИТ) и сначала читала много всего подряд: история возникновения и распространения интернета, советская инженерная школа, сообщества «айтишников», языки программирования... Параллельно мы в секторе устраивали мозговые штурмы – мне советовали информантов, развороты, кейсы. А еще у каждого был хотя бы один знакомый программист или системный администратор, про него тоже можно было рассказывать. Я сама в то время довольно много общалась со студентами и выпускниками инженерных факультетов. Решено было проводить биографические интервью, чтобы понять, как происходит профессионализация ИТ-специалистов, как складывается инженерная культура, в чем особенности этого сообщества.

Конечно, на первых этапах интересно было решительно все, поэтому предстояло себя как-то ограничивать. За первый год в аспирантуре нужно было сдать кандидатские экзамены по английскому языку, истории и философии науки. Для последнего надо было подготовить реферат, который мог бы лечь в основу теоретической главы диссертации. Я и писала так, чтобы было полезно: получился микс из концепций глобализации, информационного и сетевого общества, приправленный историей развития информационных технологий и антропологического подхода в исследовании профессий.

А в 2010-м я уехала в Шанинку, где почти не занималась этими темами, но зато открыла для себя дисциплинарное направление о взаимодействии человека и компьютера (human-computer interaction, HCI). Магистерская диссертация представляла собой попытку понять, как можно рассматривать это взаимодействие как социальное. Понятно, что тема была уже совсем другая, но она повлияла и на мои исследователь-

ские интересы. Это не могло не отразиться и в работе над кандидатской диссертацией: очень мне важным казалось, что айтишники – пионеры в том, с чем потом имеют дело пользователи!

За четыре года, с 2009 по 2013, было много эмоций по поводу диссертации; я писала ее набегами, в перерывах между работой и работой – тогда еще в Москве. Я приезжала в Петербург и разговаривала с разными айтишниками, ходила на их мероприятия, следила за аналитикой рынка труда в ИТ, искала релевантную статистику. Мне не хватало времени обрабатывать и анализировать все, что я видела, слышала и читала. Работа и проекты в Москве тоже были интенсивными, поэтому сфокусироваться получалось с большим трудом. И так продолжалось еще два года после магистратуры, пока я не осознала, что пора возвращаться в Петербург, дописывать текст и защищаться («а там посмотрим»). Когда текст был уже практически дописан, а сил почти не оставалось, пришло подкрепление: в 2013 году в России приняли Дорожную карту по развитию ИТ на 2014–2018. Этот факт тонизировал, стало легче убеждать всех в том, насколько «актуально» то, чем я занимаюсь. Саму себя мне уже не надо было убеждать в том, что я была на верном пути, надо ловить волну и что дальше будет все более или более захватывающе.

Все верно, в начале пути и надо широко... ибо никто не знает, что конкретно привлечет внимание и интерес молодого исследователя.

Где и в какие годы проходила Ваша магистратура? Кто были Ваши наставники? Какие темы Вы в тот период разрабатывали?

На Шанинку мое внимание обратила Алла Викторовна, я поехала поступать сразу после университета, но с первого раза не вышло – я была не готова говорить по первоисточникам, да и «вышкинская» конкуренция была очень сильна (как стало ясно потом). Вторую попытку я предприняла на следующий год, и меня взяли. Тогда я с трудом могла понять, насколько всё будет сложно, «болезненно», по-другому. Программой «Фундаментальная социология» руководил тогда Виктор Семенович Вахштайн, ему-то и предстояло тогда стать самым требовательным из преподавателей. У нас было два базовых курса (один по методологии и методам, второй по теории), остальные – по выбору. Курс по методологии (и как потом оказалось, по эпистемологии) вели сначала Виктор Семенович и Дмитрий Юрьевич Куракин. Это была первая большая травма: количество информации за занятие нужно было переваривать потом всю неделю, до следующего раза. Поля конспектов были забиты ссылками на дополнительную литературу – а это уже невозможно уложить за неделю, дочитывали весь год и много после. Параллельно Александр Фридрихович Филиппов вел курс по социологической теории, и это было отдельное путешествие по судьбам и текстам классиков: читать тоже приходилось невообразимо много, но АФ был верен себе и логике немецкой классической школы социологии, благо мы имели дело с ограниченным количеством авторов. Теннис, Зиммель, Вебер, Дюркгейм реабилитировались со времен университета. Надо сказать еще, что на соцфаке очень недолго нам читала лекции Римма Павловна Шпакова, которая бесконечно обожала немецкую классическую социологию, но которую мы потом потеряли, и никто не мог превзойти ее и вернуть интерес к их текстам и персоналиям. АФ сделал больше, хоть он об этом и не догадывается.

В Шанинке были и другие курсы, которые производили сильное впечатление, преподаватели, которые заставляли много и упорно работать. Дмитрий Михайлович Рогозин стал в наших глазах посланником «батыгинской» школы и при этом настойчиво и спокойно разрушал стереотипы о полевых исследованиях. Владимир Сергеевич Малахов (он, кстати, порекомендовал почитать Купера и Брубейкера еще для моей дипломной) вел курс по национализму как идеологии – очень структурированный, очень насыщенный. Социологию пространства подхватил после АФ Алексей Титков; с гостевым курсом по микросоциологии приезжал Михаил Соколов. Сначала я оптимистично думала писать эссе по курсам на английском, но хватило меня только на курс Рогозина, а дальше времени просто не находилось (только магистерская в итоге была на английском).

Весь этот веселый год прошел наполовину в библиотеке, наполовину в классе. Исключительно важной стала помощь и поддержка однокурсников. Почти со всеми мы пересекались в библиотеке, но с некоторыми у нас получился свой маленький кружок: с Аней Рочевой мы учились вместе на соцфаке и потом внезапно стали снова однокрусницами и теперь очень близкими подругами; с Андреем Самодиним мы очень много обсуждали тексты и свои эссе; с Лерой Замятиной делились сложностями и постоянно подбадривали друг друга. Есть еще разные сюжеты, которые могли быть случайными, а оказались решающими. Например, когда я писала эссе по курсу Вахштайна, не могла никак найти ключевую для своей работы статью (я разбирала дискуссию “epistemological chicken”, и мне нужен был полный набор статей, чтобы реконструировать аргументацию Латура, Коллинза и всех остальных). Женя Варшавер очень просто предложил написать авторам статей и редактору сборника Пикерингу. И знаете что? Все ответили и всё прислали. Кроме Латура, конечно. А эссе стало статьей в Социологическом журнале.

Очень мне хотелось писать магистерскую диссертацию под руководством Александра Фридриховича, но я не понимала, как подойти к нему с таким предложением. Для начала решено было написать эссе по его курсу. Я еще не оставляла надежду продолжить с айтишниками, а для этого мне надо было поработать с понятием общности, community. АФ идею оценил (Тённис же!), предложил фокус на истории понятия, поэтому эссе получилось обзорным. Правда, не очень хорошо написанным. Я до конца сомневалась, что с такими результатами стоит пробовать, но на помощь пришли коллеги - Павел Степанцов и Василий Кузьминов, которые вели у нас социологию знания (вслед за Теодором Шаниным). Я к тому времени уже очень даже увлекалась темой Human-Computer Interaction (HCI), а они еще в Вышке учились у Александра Фридриховича, поэтому могли меня проконсультировать по поводу работы с ним по моей теме. Эссе по их курсу я писала в связи с HCI, они предложили посмотреть на более широкую перспективу взаимодействия человека и нечеловеческих объектов. В Центре фундаментальных исследований Филиппова также были проекты в этом направлении. Мы с ним встретились, договорились, что я пришлю обоснование темы. Ориентацию на тему взаимодействия человека и техники он одобрил (о, счастье!), но требовал более внятной постановки проблемы. Как раз тогда я дописывала эссе по социологии знания, и это очень помогло структурировать проблематику. В итоге, на защите синопсисов – самая главная и жесткая процедура за все время обучения в Шанинке – АФ выступил в поддержку темы диссертации, и мне предстояло работать.

Но не сразу. За лето что-то пошло не так, что-то ужасно отвлекло от продуктивной и кропотливой работы над текстом магистерской диссертацией. Этим чем-то оказалась инициатива Виктора Семеновича по открытию бакалавриата по социологии. В РАНХиГС суждено было появиться факультету социологии и философии (ФСФ), выпускники-бакалавры которого шли бы прямо в Шанинку. Идея оказалась не просто заманчивой, но и реальной: в мае было принято решение на уровне руководства и администрации, в сентябре мы сделали первый набор. Мы – это административная команда из меня, моей однокурсницей по Шанинке Насти Астаховой, выпускницы и аспирантки философского факультета МГУ Полины Дячкиной. Заместителем декана стал наш однокурсник по Шанинке Антон Смолькин, деканом одной кафедры Виктор Семенович, а деканом и заведующим второй кафедры – Петр Сафронов из МГУ и Института философии РАН. Лето было непростым, но жутко интересным. Втроём с Настей и Полиной нам предстояло сделать «сборку» факультета – от наших кабинетов с компьютерами, сайта с логотипом, преподавателей и студентов до собственно учебного процесса. Безусловно, принципиальные решения принимались на уровне администрации, и Антон больше всех вникал в суть лоббирования интересов факультета. Но для нас троих работы было намного, намного больше, чем можно было себе представить. Только через год, летом 2012 года, когда были сданы первые сессии, когда из 25 набранных студентов осталось чуть больше половины (им было крайне сложно учиться, а преподавателям – приспособиться), мы осознали, что со своей стороны мы смогли всё правильно сделать.

Диссертации мы с Настей сдали с большой задержкой, дедлайн был 31 августа, но куда нам! Сразу же осенью мы стали преподавать. Одновременно с факультетом открыли Центр социологических исследований, который возглавил Виктор Семенович, и работали мы там с Пашей Степанцовым. За два последующих года (пост-Шанинских) успело произойти столько всего, что сейчас это кажется какой-то дикой пятилеткой: догнать и перегнать нужно было даже самих себя. Координация учебного процесса, преподавание, администрирование, исследования, заказчики, презентации, конференции, выездные школы, научно-образовательные семинары – всё оказалось вперемешку. И да, такого количества и качества знания, навыков, испытания себя, опыта я не могла себе вообразить – за это я невероятно признательна Виктору Семеновичу и всем, с кем мы работали в этот двухлетний период. Каждый человек был настолько ценен в этом общем хаосе, это важно было не забывать. Поэтому самым большим счастьем для меня стали именно люди – особенно Аня Рочева, Полинка Дячкина, Татьяна Бушуева, которые всегда были рядом и напоминали. Через год настолько интенсивной работы нужно было что-то менять, поэтому с января 2013 я ушла с административной позиции, осталась немного преподавать и больше заниматься исследованиями. Преподавание доставляло самое большое удовольствие, а некоторых из студентов можно было приглашать в исследовательские проекты. Мне не нужно объяснять, насколько важно для студентов-социологов оказаться в поле. С некоторыми из них мы всё ещё дружим!

Чтобы двигаться дальше, надо было защищать диссертацию. Для этого мне предстояло вернуться в Петербург, и я переехала обратно в июне 2013-го. Тем же летом со мной связался Венсан Лепинэ, с которым мы за год до того познакомились на выездной школе по исследованиям науки и технологий (STS) Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он рассказал, что они выиграли мегагрант во главе с Марио Биаджоли про «русских» компьютерщиков в России и за рубежом. Это ведь

было прямым продолжением того, чем я занималась в своей кандидатской! Я, разумеется, подала заявку на участие в проекте, и последующие три года стала работать в этом проекте. Но теперь исследования айтишников проводила в Великобритании, что впрочем не помешало мне сначала защитить кандидатскую диссертацию

Что же в итоге получилось с кандидатской диссертацией? К какому выводу Вы пришли? Где проходила защита?

Действительно, в начале пути было желание браться за все, но дальше включается не только сфокусированность на более удивительных и неожиданных аспектах, но и аспирантская прагматика. Мне периодически напоминали, что защита кандидатской диссертации – это больше формальная, чем содержательная процедура. Я же понимала, что в какой-то момент просто надо остановиться и принять текст как квалификационную работу. Результатом стало – как я бы сейчас сказала – интро в профессиональный мир информационных технологий, где среди прочего был необходимый и достаточный набор характеристик, объясняющий специфику этого мира и его общности (я настаивала на этом понятии). И да, этот набор казался мне большим достижением! Хотя без контекста мои открытия звучат не очень внятно, судите сами: многомерность структуры, проектно-ориентированная среда, командный дух, уверенность в стабильности, техническое любопытство, доступность получения практического опыта, инновационный потенциал, искусственный язык, интенсивное общение, творческие возможности, «гик-стиль». Результаты своей работы я представляла диссовету в моем же Социологическом институте РАН 23 декабря 2013 года, прошло всё гладко, и уже в следующем мае получила диплом.

Лилия, это все было настолько недавно, что Вас еще можно поздравить... и не успели Вы отдышаться, как Вас избрали «старшей» по Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС). Почетное и хлопотное дело. Среди тех, с кем я провел интервью, несколько человек до Вас исполняли эти обязанности: В. А. Ядов, О. Б. Божков, Саша Дмитриева, Ирина Олимпиаева, и я был на этом посту. Сколько сейчас человек на учете СПАС? Есть ли секции? Что планируете в ближайшее время сделать?

Для меня СПАС в целом стал большой неожиданностью, в состав Правления в 2015 году меня порекомендовала – насколько я понимаю – Ирина Ильинична Елисеева. В начале года я вернулась из поля, и стала уже частью команды Правления под чутким, деликатным и уверенным руководством Ирины Олимпиаевой. На момент отчетного собрания в феврале 2017 году в СПАС объединяли 81 человек. Из исследовательских секций за прошлый срок произошли «перестановки»: секция по социологии права самоликвидировалась, но появилась новая по социологии науки и технологии. Две другие – гендерная и исследователей социальной сферы труда. В каждой секции свои планы, мероприятия, сообщество.

А дальнейших планов в Ассоциации много, и самый конкретный – в декабре провести конференцию, посвященную 25-летию СПАС. Мы сейчас активно работаем над этим. Еще планируем развивать деятельность в других стратегических направлениях – подружиться с теми социологами в городе, о которых мы ничего пока не знаем; наладить контакты и найти форматы взаимодействия с разными СМИ через наш медиа-центр; запустить программу волонтерства для студентов профильных специальностей (попытаемся воплотить пожелание Ирины Олимпиаевой). Не забываем мы и о грантах для НКО или исследовательских проектах, которые направлены

на межинституциональное сотрудничество. Лично мне хочется, чтобы за оставшиеся полтора года о СПАСе узнали в городе (большинство социологов и социальных ученых, но и не только), а уже действующие члены сами хотели вносить вклад в развитие Ассоциации.

Я думаю, что тематика, привлекающая Ваше внимание, активно разрабатывается во многих странах, задающих тон в развитии современных информационных технологий, в освоении обществом этого нового мира. Нет ли у Вас желания, нет ли возможностей поучиться и/или поработать там?

Хороший вопрос... Такое желание всегда было, но один за другим возникали интересные проекты и задачи – сначала в Москве, потом в Петербурге. Но я не теряю уверенности в том, что обязательно надо попробовать себя в другой академической среде, где можно было бы научиться новым принципам организации научной деятельности в широком смысле. На конференциях, семинарах, воркшопах мне удастся коротко наблюдать, как работают (и как говорят о своей работе) социальные ученые со всего мира. И это, конечно, заманчиво. Мой пока не очень большой опыт зарубежного сотрудничества оказался уже очень показателен с точки зрения подхода к научной работе. Например, пару лет назад я познакомилась с деятельностью Международного комитета по истории технологий и со многими из постоянных его участников: они с разными бэкграундами, интересами, планами, но при этом образуют кружки по интересам, где обсуждают совместные исследовательские проекты, публикации. Им всегда любопытно, что и как происходит у других, многие из них открыты к сотрудничеству. Меня это многому учит, и я буду продолжать.

Лилия, это прекрасно, что через анализ современности Вы входите и в изучение истории. Действительно, сейчас социологи, философы техники, исследователи рынка и т. д. исследуют вхождение IT, но аналогичное было с автомобилем, телефоном, телевидением... это вечные процессы освоения нового, и надо рассматривать их именно с таких позиций...

Поэтому Вас заинтересовал Международный комитет по истории технологий?

Вероятно, Вы правы – мне с самого начала работы над диссертацией в пример приводили телеграф, телефон... Но в информационных, цифровых технологиях меня завораживает то, насколько интенсивно всё меняется, и как быстро пользователи могут стать производителями. Но это уже другая интересная история. А в Международном комитете мне довелось познакомиться с коллегами-историками, которым особенно важны социальные аспекты развития технологий – роль личности, сообщества, культуры. Социологическая перспектива на технологическую историю – так ее назвали коллеги в обсуждении. Я тоже в этом вижу перспективы для своей деятельности. Посмотрим, к чему приведет наше сотрудничество.

Но есть у вашего поколения, в моей классификации – седьмого, еще одна функция.

К вашему поколению я отношу тех, кто родился в интервале 1983–1994 гг., значит – старшим сейчас 34 года, младшим – 23, они – в самом начале. Особенно интересны старшие, отчасти – и Вы. Ваша когорта – последняя, которая застала ученых всех прежних поколений. Пройдут годы, они быстро летят, в 2058 году будет, надеюсь, отмечаться столетие современной российской социологии. Первое поколение (1923–1934 гг. рождения) уже почти ушло, второе поколение (тот же временной интервал) – остались

единицы, в Петербурге: А.Алексеев, Я. Гилинский, С. Иконникова, А. Русалинова, Б. Фирсов и еще немногие. Третье поколение еще активно, к примеру: О. Божков, А. Бороноев, Г. Саганенко, Е. Смирнова, и я отношусь к нему, но до 100-летнего юбилея и мы не дотянем... кого будут просить рассказывать о прошлом?

Как Вы думаете, ваше поколение будет готово к этому?

Мне невероятно повезло, что для меня это не просто имена, а личности со своими уникальными судьбами, историями, значимостью. Сейчас мне кажется, что мы действительно многого не понимаем в самом начале пути, мы иногда даже слишком воинствующе смотрим в других направлениях, чем наши более опытные коллеги. Это, наверное, естественно, что с самого начала мы хотим открывать новое, а не переоткрывать подзабытое. Но должна сказать, что среди своих ровесников — особенно последнее время — я часто слышу, что хорошо бы сохранять межпоколенные связи, учиться у тех, кто есть рядом, не забывать. В этом смысле и СИ РАН, и ЕУ, и СПАС — про то, как быть всем вместе и учиться друг у друга. Какая-то часть нашего поколения точно будет готова рассказывать о прошлом, пусть для этого у нас будут свои способы. Посмотрите, например, хэштэг #советскаясоциология в Фейсбуке — прекрасный Андрей Корбут отсканировал книгу классики советской социологии «Массовая информация в советском промышленном городе». И мы делимся такими (пере)открытиями.

Очень даже оптимистическая концовка. Спасибо, Лилия.